

Ольга

Марликова

областной историко-краеведческий музей,
г. Усть-Каменогорск

«ВО ИМЯ БУДУЩЕЙ ПРЕКРАСНОЙ ЖИЗНИ...»

Казалось бы, еще вчера мы ничего не знали об истории знакомства наших талантливых соотечественников, писателей Г. Д. Гребенщикова и Т. А. Баженовой. Приходилось очень сожалеть об этом неведении, поскольку первые свои шаги из небытия на Родину Таисия Баженова сделала именно благодаря Георгию Дмитриевичу Гребенщикову. Это он открыл нам имя писательницы и журналистки, опубликовав её стихотворение «Не о берёзке» в своём очерке «Огонёк лампы».

Однако в публикации не было ни слова об обстоятельствах их встречи, как, впрочем, и о том, что Г. Гребенщиков и Т. Баженова, живущие в разных штатах США, – соотечественники. Лишь по отдельным деталям стихотворения Баженовой можно было догадаться, что она родилась в нашем крае, в Зайсане, а предки Таисии по линии матери жили в Усть-Каменогорске. Уже позднее, в результате многолетних поисков, мы узнали, что она – дочь казачьего полковника, жила и училась в Усть-Каменогорске, а в 1920 году эмигрировала в Харбин, потом в Сан-Франциско. В США, в Калифорнии, земляки обрели друг друга. Но когда, как и при каких обстоятельствах?

Вопрос разрешился недавно благодаря писателю-краеведу из Барнаула А. В. Суманосову. Зная о моём долгом безуспешном поиске, он обратился за помощью к корреспонденту русскоязычной газеты Сан-Франциско «Русская Жизнь» Андрею Забегалину. В сферу профессиональных интересов журналиста входит изучение судеб русской эмиграции и жизни русской диаспоры. А. Забегалин разыскал и выслал В. Суманосову статью Т. Баженовой «О Гребенщикове», опубликованную в газете «Русская Жизнь», в редакции которой она также работала корреспондентом. Кстати сказать, из русских эмигрантских изданий тех лет лишь эта американская газета по сей день вот уже в течение более 90 лет продолжает представлять собой интереснейшую хронику русской общины на западном побережье США. В «Русской Жизни» Таисия и поведала нам об истории знакомства со знаменитым земляком, которое состоялось в 1930 году.

В своей статье Баженова, в свою очередь, открывает нам знаменитого земляка – писателя и философа, посвятившего себя «исканию Бога живого в людях». Она рассказывает, каким увиделся ей соотечественник, долгожданный приезд которого «явился одним из исключительных праздников для русской колонии» Сан-Франциско. Пишет, что в русской колонии все эмигранты с нетерпением ждали приезда «большого русского писателя, единственного на всю Американскую Русь, автора «Чураевых» и «Былины», и долгожданный его приезд «встревожил русских

воспоминаниями о России». «Встревожил», потому что не может Таисия «найти более подходящего слова для изображения того состояния душ и умов, которое было им вызвано».

Со свойственной Т. Баженовой наблюдательностью, она тонко подмечает и разъясняет суть этого талантливое человека-Богоискателя. Журналистка описывает облик Гребенщикова, то, как он держится, читая лекцию, пытается объяснить «его очарование на слушателей», и то, почему лекции Гребенщикова потрясают русских эмигрантов.

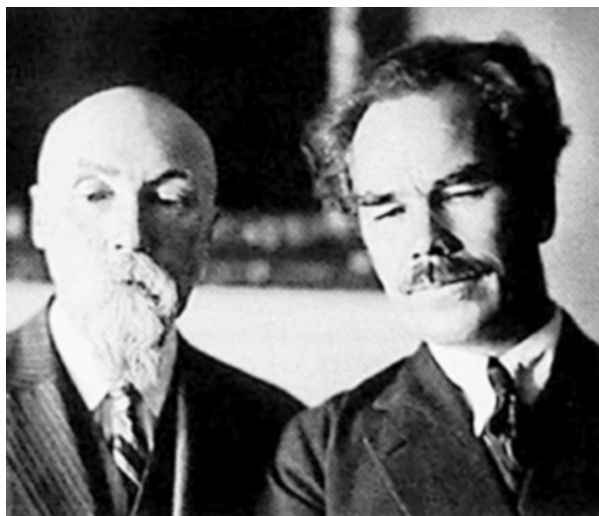
Действительно, Г. Д. Гребенщиков слыл блестящим лектором. Об этом можно прочесть в воспоминаниях эмигрантов, его современников. Он читал лекции в удивительной, только ему характерной, манере, которая потрясала сердца, заставляла переживать, мучиться ностальгией и плакать. Случалось, что Георгий Дмитриевич иллюстрировал лекции собственным великолепным исполнением народных песен. Порой лекция его длилась более часа, но аудитория желала слушать еще и ещё.

Дружба соотечественников не прерывалась и в последующие годы. Обретая на чужбине земляков, Георгий Дмитриевич уже не терял с ними связей. Вспомним его дружескую переписку с уроженкой Усть-Каменогорска, жившей в Западной Германии, поэтом Марией Вячеславовной Волковой, подругой детства Таисии Баженовой.

Между Г. Гребенщиковым и Т. Баженовой также завязалась переписка, и в дальнейшем, в 1930-е и 40-е годы, Гребенщиков активно публиковался в газетах, где работала Таисия Баженова. Показательно, что на одной странице газеты «Новая Заря» от 2 мая 1937 года мы видим три удивительных материала: публикацию Т. Баженовой «Учите русских детей русскому языку», лестный отзыв о лекции её отца, также литератора и лектора Анатолия Дмитриевича Баженова, которую он читал на тему о «Возникновении казачества» в Скорбящем храме Сан-Франциско, и на той же странице сообщалось, что спустя 7 лет Георгий Дмитриевич вновь приезжает в Калифорнию. Чета Гребенщиковых посещает Калифорнийский университет, где в честь их приезда был дан обед, на котором присутствовали в полном составе все профессора Славянского отдела и где Георгий Дмитриевич прочел лекцию «О современном русском романе», прослушанную «с исключительным вниманием».

С «Новой Зарёй» Г. Гребенщиков продолжал сотрудничать до конца жизни, публикуя в ней свои рассказы, размещая поздравления с Рождеством и Пасхой. Вот его рассказ в газете от 2 мая 1937 года – «Лебедь». А в номере от 5 апреля 1942 г. читаем рассказ «В пустыне Мира».

Наверное, немалую роль в столь активном появлении сочинений Гребенщикова на страницах «Новой Зари» сыграла и Т. Баженова, которая слыла к тому времени очень авторитетным журналистом. В одной из газет читаем: «В США Баженова сотрудничала во всех периодических изданиях Западного побережья и участвовала

во многих сборниках. Из Таисии Баженовой выработался... заправский газетный работник, владеющий газетной техникой, знающий вкусы и интересы читателя, и трудно себе представить газету без Т. А. Баженовой».

Нам удалось найти и еще одно свидетельство дружбы наших соотечественников. 3 февраля 1940 года, когда ещё только готовилась к выходу в издательстве «Алатас» переведенная на английский язык книга Гребенщикова «Былина о Микуле Буяновиче», корреспондентка Баженова отозвалась в «Новой Заре» на будущее событие статьей «Новая книга Гребенщикова». В ней она размышляет о том «что случилось в настоящее время с этой, всегда таинственной, так называемой “русской душой”? И что это за народ в 180 миллионов людей, который разрешает обращаться с собой, как с рабами?» Ответить на этот вопрос, по мысли Баженовой, лучше, чем кто-либо, может Г. Д. Гребенщиков, вышедший «из бедной сибирской крестьянской семьи... Он слишком хорошо видел жизнь русского крестьянства и его вечную трагедию. И только он может с такой объективностью в свойственной ему полуреальной, полуфантастической форме подробно остановиться на росте мечтательности и бунта в душе Микулы и объяснить, почему наш народ-богомolec так неожиданно проявил себя за годы революции кровавым и разбойным и как долго он будет пребывать таким?»

Рассказывая о Гребенщикове, Таисия Анатольевна приводит ряд высказываний замечательных людей о книгах Гребенщикова: Н. Рериха, Ф. Шалапина, И. Сикорского, М. Горького и других. К примеру, она цитирует председателя «Общества Артистов и Писателей штата Коннектикут» М. И. Свитланда из предисловия к американскому читателю: «“Буйный исполин” является глубокосодержательной книгой русского писателя, раскрывающей трагедию его народа в лице его Микулы. Знать Георгия Гребенщикова – это значит лучше понимать его духовные образы. “Буйный исполин” является его шедевром и должен быть прочитан каждым любителем изящной словесности».

Рекомендуя книгу «для сведения наших американских друзей или для нашего подарка им», – она добавляет к сказанному, что «“Былина о Микуле” будет служить для них лучшей и правдивейшей книгой, когда-либо изданной в Америке на английском языке, так как автором ее является один из наиболее ярких, серьезных и глубоких писателей русского зарубежья».

Дружба земляков, их сотрудничество с газетой продолжались до конца дней писателя. Интересный факт: спустя три года после смерти Г. Д. Гребенщикова, в номере «Новой Зари» от 2 мая 1967 года опубликовала свою статью его жена, Татьяна Денисовна, под названием «Огромный успех “Евгения Онегина” в Портланде». Это первая статья жены Г. Гребенщикова, что пришлось мне прочесть.

Таким образом, благодаря находкам нам открылась еще одна неведомая страница во взаимоотношениях наших славных соотечественников, о чём читатель сможет прочесть в очерке «О Гребенщикове», который на родине писателя публикуется впервые.

Матсия

Баженова

О ГРЕБЕНЩИКОВЕ

Наша жизнь скучна и бедна событиями. Приезд больших русских людей является редким праздником для нас. И наши быстротекущие, но пустынные дни мы отмечаем в памяти исключительными событиями: «Это случилось, когда была “Летучая мышь” Балиева»... «Это до концерта Кедровых»... «После приезда донцов»...

Долгожданный приезд Георгия Гребенщикова явился одним из таких исключительных праздников для Русской колонии. Он снова встревожил русских воспоминаниями о России. Я говорю «встревожил», так как не могу найти более подходящего слова для изображения того состояния душ и умов, которое было им вызвано. Ждали большого русского писателя, единственного на всю Американскую Русь, автора «Чураевых» и «Былины», и не могли представить, какой будет встреча с этим сумрачным и угрюмым, по портрету, человеком. Нужно было также понять его очарование на слушателей, плакавших во время его лекций. Каким словом потрясал сердца этот писатель, вышедший из народа, сын шахтера из алтайских рудников, ставший большим писателем Земли Русской.

Первая встреча объяснила многое. Угрюмое, сумрачное лицо, чисто сибирского типа, густые брови, полузакрытые глаза освещались суровой и трогательной улыбкой, добрый и веселый смех покорила и запомнился надолго. Гребенщикова прост и приветлив с каждым, и, смотря на него, трудно представить, что еще два дня тому назад вы его не знали совершенно.

В штате Коннектикут, на ста акрах расположена Чураевка, названная в честь эпопеи Гребенщикова. Чураевка состоит всего из 15 дворов и построена по типу русской деревни. Там постоянное местопребывания писателя с женой, и оттуда, уже во второй раз за эти два года, Гребенщиконы совершают путешествие по Америке, во время которого Георгий Дмитриевич читает лекции в наиболее населенных русскими городах.

О чем говорит на них Гребенщиконы? Почему его лекции привлекают не один раз? Почему, наконец, русские люди плачут после них?

Каждый писатель всегда автобиографичен в своих произведениях, как бы ни старался замаскировать свое присутствие в них, но неизбежно, и всегда в одном из своих произведений он вложит, как в любимое детище, себя, свои мысли, свои чувства.

То, чему посвятил себя Гребенщиконы – исканию Бога живого в людях, – красной нитью сказывается на всем его творчестве. Все его произведения, все герои, наконец, способ изображения жизни, – свидетельствуют о несомненной, родственной близости к ним писателя, об его автобиографичности в них.

Богоискательство Гребенщикова роднит его с Сергием Радонежским, с Достоевским и Толстым; он единственный, вполне обозначившийся преемник их, он – единственный наш современник, продолжающий их дело. Он, как и они, не мог пропустить без внимания большое явление в русской жизни – желание «пострадать». Люди отказывались от удобства (?)¹ к ним по широкой Русской земле, юродствуя, истязая себя холодом, голодом, лишениями, каясь в своих грехах, становясь, по существу, теми блаженненькими и Божьими угодничками, которых жалел, любил и понимал русский народ. Можно ли было представить таких добровольных страдальцев среди других народов? Кто из них, кроме родственных нам по духу индусов, пошел бы в тюрьму добровольно, не потому, что этого требовало принуждение, но руководствуясь лишь своей собственной совестью? То, что иностранцы называют «славянской душой», то, что досталось нам с давних времен от столпников, блаженных, угодников Божьих, калик перехожих, юродивых, от града Китежа, от сектантских скитов, то, что было Святой Русью, – не переводится и теперь, когда возможность действительного страдания дана русскому народу в такой полной мере. Русский народ любит пострадать, ибо жажда покаяния, жажда очищения – одно из самых сильных и характерных, одно из самых удивительных проявлений души русского православного человека. Только в очищении русский человек видит потерянного в своей душе Христа.

И для Гребенщикова, как для Достоевского и Толстого, русская душа ясна и понятна во всех ее состояниях. И, если предположить, что Василий Чураев единоличен с самим писателем, – Гребенщиков – человек сольются в одно целое, и это сделает многое понятным и особенно живым в его произведениях.

Гребенщиков, как Василий, любит человека, знает, что нет исключительно добрых людей, – каждому человеку русскому надлежит пройти и грех, и добро, но он знает также, что русский человек способен на покаяние и очищение, если его душа пробуждена. И вот, во имя любви к человеку, Гребенщиков будит души как проповедник человеколюбия. То, что сродни Василию, то сродни и Гребенщикову. И может быть, в позднейших томах «Чураевых», в томах об изгнании, мы найдем Василия таким же проповедником, каким в наши дни является писатель.

Как Василий Чураев, Гребенщиков полон неизъяснимой благодарности к Богу за жизнь, и в испытании, poslanном всем нам на чужой земле, видит для нас величайшую Господню милость – редкую возможность познать свои грехи, покаяться и приблизиться к потерянному нами Христу.

Он говорит нам о том, что мы уже давно забыли; некогда было подумать, физическая усталость не оставляла места для размышлений. И то, что неосознанным таилось в нас, – он высказал прямо и решительно.

Он звал нас объединиться во имя потерянной России, потерянного Бога, потерянной своей души. Он говорил о нашей молодежи, также потерянной для нас смене, которой чужды наши верования и наши идеалы. Он звал нас во имя будущей прекрасной жизни, с честью, радостью и пользой перенести тяжелые годы изгнания.

Трудно не поддаться тому чувству, которое вызывает Гребенщиков своей горячей проповеднической речью. Холодно и скептически настроенный человек уходит после лекции встревоженным.

«Русская Жизнь», 1930 г.

¹ Печатается по сканированной версии с оригинала. Слово не расшифровано.

